

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ВНУТРЕННЕЙ ФОРМОЙ ЯЗЫКА КЕЧУА

Корнилов Олег Александрович,*д-р культурологии, проф.**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*

Актуальность анализируемой в статье проблемы обусловлена тем, что протекающие в мире процессы глобализации вызывают ответную реакцию, проявляющуюся в росте этнического самосознания народов. Взаимная адаптация различных культурных традиций и выработка рекомендаций по бесконфликтному их сосуществованию предполагает знание особенностей менталитета всех потенциальных участников межкультурной коммуникации. Анализ языковых феноменов – один из объективных источников информации о особенностях менталитета его носителей. Новизна работы заключается в том, что объектом описания явился один из основных языков коренного населения зоны Анд – язык кечуа. Анализ внутренней формы слов языка кечуа и их этнолингвистическая интерпретация до сих пор, насколько нам известно, целенаправленно не проводилась.

Ключевые слова: внутренняя форма слова; андское мировидение; специфика национальной образности мышления.

Мир имел свой детский возраст и, когда был ребёнком,
говорил, понимал и думал как дитя... Этот
детский характер языка составляет признак правды...

Макс Мюллер

Мировидение народа выкристаллизовывается благодаря накапливаемому опыту, воспринятому культурой, но данный опыт не может быть осмыслен вне языка. Другими словами, мы не можем проникнуть в тайны мирозерцания индейцев кечуа и аймара, не будучи знакомы с их языками. Именно язык является своеобразным передатчиком всей суммы знаний и представлений о мире, накопленных народом. Поэтому исследования языков, хранящих коллективную память народа, позволяют обнаружить некоторые особенности мышления жителей Анд.

В лингвистике термин "внутренняя форма" используют применительно к слову, подразумевая под ним "признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения слова. Внутренняя форма слова мотивирует звуковой облик слова, указывает на причину, по которой данное значение оказалось выраженным именно данным сочетанием звуков"¹. Мы возьмём на себя смелость расширительного использования этого термина, применяя его не только к лексике, но и к языку в целом. Нам кажется, что в тех случаях, когда в том или ином языке число номинаций с прозрачной внутренней формой очень велико, весь строй языка "пропитывается" этой самой системой образов. Специфические модели метафорических переносов, которые используются при образовании семантически мотивированных обозначений, придают всему языку совершенно особенную экспрессивную окрашенность, создают уникальную систему коннотативных связей. По этой причине, и именно в этом смысле, мы считаем допустимым говорить о внутренней форме того или иного языка в целом. Знакомство с каждой из подсистем языка мо-

¹ Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 85.

жет дать этнолингвисту ценную информацию о складе мышления носителей языка, характере их образного восприятия мира.

Собирая и анализируя материал для экспериментального учебного пособия по языку и культуре кечуа², мы сделали достаточно большое количество очень интересных, с нашей точки зрения, наблюдений, часть из которых мы хотели бы представить в данной статье. Но прежде – небольшая информационная справка о языке кечуа. Типологически он относится к языкам агглютинирующего типа (подобно японскому, узбекскому, грузинскому). В языках этого типа к основе слова последовательно "приклеиваются" аффиксы, каждый из которых имеет только одно грамматическое или словообразовательное значение, например: *wasi* = дом (им.п., ед.ч.); *wasikuna* = дома (им.п., мн.ч.); *wasipi* = в доме (пр.п., ед.ч.); *wasikunapi* = в домах (пр.п., мн.ч.); *wasikunaman* = к домам (д.п., мн.ч.); *wasikunamanta* = из домов (р.п., мн. ч.); *wasikunayoq* = имеющий дома; *wasikunannaq* = не имеющий домов. Язык имеет категории числа и падежа существительных, прилагательных и местоимений, но не имеет категории рода.

Для удобства восприятия читателем разнородных лингвистических фактов мы сочли уместным отобранные феномены пронумеровать.

1. Мышление древних инков можно смело охарактеризовать как мистическое мышление, неотъемлемым качеством которого у всех народов является *анимистическое* и *антропоморфное* восприятие мира, т.е. одушевление всех элементов природы и придание силам природы облика животных или человека. Несмотря на это, отличительной чертой языка кечуа является **факт отсутствия грамматической категории рода**, при этом не только неодушевленные предметы не имеют отнесённости к роду, но и местоимения третьего лица не дифференцируют по полу называемых людей, *pay* – это может быть и *он*, и *она*. Некоторые лингвисты (в том числе и автор этой статьи) интерпретируют сохранившуюся в языках категорию грамматического рода как "окаменевшие отпечатки" образного антропоморфного восприятия мира сознанием древних людей, когда любой предмет или явление могли ассоциироваться с мужским или женским началом. Анимистическое восприятие мира не обязательно находит отражение в формах языка, и лучший тому пример – китайский язык. Движущей силой всего сущего в мире, по мнению древнекитайских натурфилософов, является взаимодействие двух начал: мужского *ян* и женского *инь*. Они в разных пропорциях присутствуют во всех элементах природы. Но такое пристальное внимание к делению всего сущего в мире на "мужское" и "женское" не нашло отражения в языковой системе, китайский язык не имеет категории рода. Правда, здесь имеет место очень существенное обстоятельство: китайский язык типологически относится к так называемым аморфным (корневым, изолирующим, корнеизолирующим) языкам, практически не имеющим форм словоизменения (Август Вильгельм Шлегель назвал такие языки "языками без грамматической структуры"). Кечуа, в отличие от китайского, имеет чрезвычайно развитую систему сло-

² Корнилов О.А. *Runa simi* – язык инков. Экспериментальное учебное пособие по языку и культуре кечуа. – М., 2009.

воиизменения, но при этом, что особенно удивительно, отсутствуют любые морфологические средства даже для указания на пол живых организмов (есть только лексическое средство – слово *china*, используемое для обозначения самки любого животного). Такая удивительная "родо-половая слепота" проявилась в некоторых именах, относящихся к тематической группе "родственные отношения": *churi* – это ребёнок (безотносительно к полу) отца, а *wawa* – это ребёнок (опять же безотносительно к полу) матери. Следовательно, одного и того же ребёнка по-разному называют мать и отец, для неё он *wawa*, а для него – *churi*. Наше языковое сознание делает акцент на поле ребёнка, а кечуанское – на его "принадлежности" одному из родителей. Это можно смело отнести к категории особенностей этнического мировосприятия. Кстати, именно эта особенность именования детей в кечуа позволила нам ответить на очень необычный вопрос, на который никто из специалистов по культуре коренных народов Южной Америки, к которым мы обращались, дать вразумительного ответа не смог. А вопрос был следующий: Какого пола в сознании индейцев кечуа олицетворение сил зла, именуемое ими *supai* и переводимое на русский, как *демон, дьявол, сатана*? Оказывается, женского. Но в самой форме слова на это ни что не указывает. А выяснить нам это удалось с помощью анализа одного из кечуанских ругательств (этнолингвист не должен упускать из сферы анализа и эту область лексики и фразеологии): *Supaura wawanka qamqa kanqi* (*Ты – дитё дьявола*). Следовательно, для кечуа *supai* (*дьявол*) – это женщина, ибо только женщина имеет *wawa*.

2. Другой выбранный нами феномен свидетельствует о такой черте менталитета индейцев кечуа, как уважительное отношение к пожилым людям. Если во многих языках прилагательное *старый* и глагол *стареть* можно использовать как по отношению к людям, так и по отношению к вещам и животным (и коннотации этих слов, как правило, отрицательные), то в кечуа, говоря о вещах, используют глаголы *latapayau* и *taukay* ("изнашиваться, терять свои качества"), а о людях (безотносительно к полу) говорят *ууауауау*, *ууауауау*, что буквально означает "умнеть, становиться более рассудительным". То есть смысл фразы "*Ты постарел*" в кечуа имеет очень политкорректную и комплиментарную форму выражения – "*Ты стал более рассудительным*". Производящей основой для этих глаголов служит существительное *ууау*, имеющее два значения: 1) тот, кто думает, размышляет; 2) старец, старик. Нюансы использования прилагательных и глаголов со значением "стареть" открыли нам ещё одну особенность менталитета потомков инков, а именно – определённый "мужской шовинизм". Применительно к мужчине уважительно говорят *tachu* = *старец* (кстати, название культового места инкской культуры руин Мачу Пикчу (*Machu Pikchu*) переводится "Старая Гора", что свидетельствует о том, что горы у инков ассоциировались именно с мужским началом). Используемое по отношению к женщинам прилагательное *рауа* имеет пренебрежительный оттенок и не может использоваться по отношению к мужчине, зато по отношению к самкам животного и к вещам – пожалуйста.

3. Отличительной чертой кечуа можно считать тот факт, что у целого ряда вполне конкретных понятий обнаруживается огромное число синонимических средств языкового выражения. Бесспорно, что обилие синонимов сигнализирует о высокой степени значимости именуемого понятия или предмета в данном языковом сообще-

стве. Неясным для нас пока остаются смысловые или стилистические различия (если таковые имеются) между ними. Возможно, это просто лексические дублиеты. Приведём лишь несколько примеров того, как коллективное сознание носителей кечуа для обозначения относительно простых, для стороннего наблюдателя, понятий создало столь изобильные средства выражения:

amuq, jolluq, kumi, pakra, takra, urwa, kapsu, chaki upa – бесплодный;

anko, charcha, aranku, churu, ejo, kauti, tuju – тощий, долговязый, слабый, худой (всего в кечуа существует 24 (!) синонима для обозначения этого признака человека);

atimpa, jale lale, wira, wirasapa, wirallaña, tita, rampu, miru, raqta, raku – толстый, жирный, большой, объёмный;

jella tullu, titi tullu, llasaq tullu, llasaq runa, weqla, panjala, jaira, ekiku, weqta, talen, talku, pokres, yanawaqta, yaku tullu, ñaño tullu, miski llamkaq, titi runa, yana waqta – лентяй, праздный человек, бездельник ("вялые кости", "свинцовые кости", "тяжёлые кости", "тяжёлый человек", "водяные кости", "тонкие кости", "недоделанный работник", "свинцовый человек", "чёрные бока");

kumuikachaq runa, kumuikuq sonjo – униженный человек ("склонённый, нагнувшийся человек", "съевшееся, затаившееся сердце"; помимо этих обозначений данной категории людей в кечуа есть ещё более десяти синонимов);

chullunka, rajua, rasu, riti, lasta, qhasa – снег, лёд;

pampa, palta, palja, pampachisja, lasq'a – равнина;

takra chakra, ranra chakra, rumi rumi chakra – каменистый участок земли;

akapa, chiñi, pisi, okoruncha, mallwa, uchilla – маленький, мало, недостаточно;

aymurai mita, pojoi mita, pojoi pacha, tipii pacha, aymurai pacha, kallchai pacha – время сбора урожая, страда;

puta, mapa mama, urunku, wanjoiru, oironjo, yanasa, miski chuspi – пчела;

yukis, yutu, pisjaka, chakwa, pichi sanku, yukiuq – куропатка;

akalli, usnup, chunchul, chunchuli, wiqsa – пузо, брюхо;

ataka, chanka, joichai, misikin, t'usu – нога от бедра до стопы;

kukus, chaki mojo, pichuski, tutan – щиколотка;

qasqu, jasjo, kimchu, oqllai, wiqsa – грудь;

qhari kai, rani, penjai, verga, ullu – мужской половой орган;

kachka, kallup, kallki, chakra chakra, ranra ranra, rumi, kallka – дорога, на которой много камней;

istalla, wayaja, wayaka, piska, wallja, chara, pichanguira, sijra, ullti – традиционная для индейцев зоны Анд сумочка, в которой они носят листья коки;

jechwa, jeswa, waskilla, waskacha, kechwa – верёвка из дрока;

anaku, unku, unkucha, ukui pacha – рубашка;

llanke, chapitu, chapla, ojota, sejo, usuta, chaqlla – индейские сандалии;

aruy, waikuy, wayiay, yanuy, yanukuy – готовить пищу;

llachapa runa – оборванец (есть ещё около десятка синонимов).

Интерпретировать удивительный для нас факт столь впечатляющего многообразия именования таких, казалось бы "простых" реалий, как *щиколотка*, *нога*, *куро-*

патка, каменистая дорога и т.п. мы предлагаем читателю. У нас есть версия, объясняющая этот феномен, но в этой статье мы её представлять на суд научной общес-
твенности пока не будем.

4. Концепт *Пачакути* (*Pacha kuti*) дал нам возможность акцентировать внимание ещё на одной крайне важной особенности мировосприятия жителей Анд. В кечуа есть выражения *Pacha kuti nina* и *Lloqlla uni pacha kuti*, которые переводятся как "Гибель мира в огне" и "Гибель мира в бурном потоке мутной воды = всемирный потоп". Следуя логике этих выражений, имя Девятого Инки Пачакутека мы должны были бы перевести как "Конец света". Однако здравый смысл нам подсказывает, что именовать так Инку, при котором Империя достигла своего наивысшего расцвета, было бы, по меньшей мере, странно. Основное значение глагола *kuti*, получающего в двух приведённых выше сочетаниях значение "конец, гибель", – "возвращаться к своему началу". Секрет такого кажущегося несоответствия заключается в космогонических представлениях инков о том, что с течением времени в мире накапливается зло, нарушающее вселенскую гармонию и космическое равновесие. Когда нарушение этой гармонии достигает своего критического уровня, происходит какой-либо очистительный катаклизм, кладущий конец одному этапу истории Земли и дающий начало этапу новому. Мир рождается заново. Погибая в огне или всемирном потоке, мир не достигает своего конца (как в религиозных представлениях западной культурной традиции), а перерождается, восстанавливая утраченное космическое равновесие. Поэтому гибель мира означает в то же время его новое рождение в своей изначальной гармонии. Исходя из сказанного, имя Инки Пачакутека следует понимать не как "Несущий конец света", а как "Несущий рождение нового мира".

5. Как известно, создатели теории "лингвистической относительности" Эдвард Сепир и Бенджамен Ли Уорф свои теоретические заключения строили на анализе языковых систем весьма экзотических с точки зрения носителей европейских языков, обосновывая это тем, что "быть может, наиболее продуктивный путь проникновения в суть наших мыслительных процессов... состоит в обращении к серьёзному исследованию экзотических способов выражения"³. Анализируя языки североамериканских индейцев навахо, чиппева, квакиутль, нутка, хоппи, они доказывали относительность форм человеческого мышления, которые, в свою очередь задаются формами языка. Одним из наиболее впечатляющих фактов, которые привёл Сепир, было слияние в некоторых индейских языках субъекта действия и самого действия в одну словоформу, в которой корневая морфема номинативного характера (дом, камень) дополнялась морфологическими показателями, характерными для глаголов. В результате образовывались словоформы, объединяющие в себе семантику и субъекта действия, и самого действия, им производимого. Не "камень падает", "дом стоит", а "камнит вниз", "домит" и т.п. Кстати, в русском языке такие примеры есть: *дождь идёт* = *дождит*. Правда, стоит заметить, что "предметность" дождя весьма условна в сравнении с камнем или домом. Аналогичное явление описывал и Б. Уорф в языке индейцев нутка (о-в Ванкувер), в котором, по его словам, "все сло-

³ Эдвард Сепир. Грамматист и его язык // Языки как образ мира. – М.; СПб., 2003. – С. 152.

ва показались бы нам глаголами, но в действительности там нет ни класса I, ни класса II; перед нами как бы монистический взгляд на природу, который порождает только один класс слов для всех явлений... Эти слова представляются нам похожими на глаголы потому, что у них есть флексии, передающие различные оттенки длительности и времени, так что суффиксы слова, обозначающего "дом", придают ему значения "давно существующий дом", "временный дом", "будущий дом", "дом, который раньше был", "то, что начало быть домом" и т.п.⁴

Когда мы анализировали морфологическую систему языка кечуа, то сразу вспомнили именно о сепировском "камнит" и уорфовских "домит давно", "домит недавно", "то, что начало быть домом", "дом, который был раньше". Оказалось, что в кечуа возможно присоединение к именным корням глагольных (по своей семантике) аффиксов. Следствием этой особенности языка кечуа явилась трудность (а иногда и практическая невозможность) передать средствами русского языка значение огромного числа кечуанских словоформ. Оцените "изящность" описания значений некоторых словоформ:

- ⇒ *piɾjashaɾakuɐ* – "строить стену для другого человека";
- ⇒ *piɾjachaisiɐ* – "помогать строить стену";
- ⇒ *piɾjachakuchkaɐ* – "находиться в состоянии строительства стены";
- ⇒ *piɾjacharaɐuɐ* – "продолжать строить стену";
- ⇒ *piɾjacharaɐuɐ* – "строить стену ежемоментно, не отрываясь";
- ⇒ *piɾjachakaruɐ* – "снова взяться за строительство стены".
- ⇒ *piɾjachanaɐuɐ* – "хотеть строить стену".

Значение, которое мы пытались передать с помощью совершенно самостоятельных русских глаголов "строить", "помогать строить", "продолжать строить", "взяться за строительство" и других слов, заключено в значении словообразовательных аффиксов, а номинативное значение имеет лишь слово "стена". По сути, это точно такие же формы, о которых писали Сепир и Уорф, и которые можно условно переводить, как "давно стенит", "всё ещё стенит", "возможно и стенит" и т.п. Вот одна из наиболее понравившихся нам форм: *piɾjachatamuɐ*. По-испански значение этой формы перуанские грамматисты передают так: "construir pared de paso e irse" ("строить/построить стену мимоходом (наспех) и уходить/уйти"). По сути дела в одной словоформе с именной корневой морфемой и глагольным аффиксом заключено содержание целого предложения. По отношению к кечуа нельзя утверждать (как это делал Уорф по отношению к языку индейцев нутка), что в нём нет деления слов на классы глаголов и существительных, но то, что эта грань гораздо более условна, чем в европейских языках, – это очевидный факт.

В некоторых случаях аффиксы придают словоформе такие нюансы значения, которые применительно к слову, называющему предметный объект, нам кажутся довольно странными и чересчур замысловатыми и избыточными. Носители же кечуа такие формы воспринимают как совершенно естественные, например:

- ⇒ *piɾjachá* – "возможно, может быть и стена";
- ⇒ *piɾjaɐuá* – "потому что стена";

⁴ Уорф Б.Л. Наука и языкознание // Языки как образ мира. – М.: СПб., 2003. – С. 213.

- ⇒ *piɾjaɾuni* – "абсолютно точно, что стена";
- ⇒ *piɾjaɾa* – "нечто, что было связано со стеной";
- ⇒ *piɾjaña* – "уже стена";
- ⇒ *piɾjañam* – "это уже является стеной";
- ⇒ *piɾjañas* – "говорят, что уже стена";

6. И, наконец, самой существенной, по нашим представлениям, особенностью языка кечуа является прозрачность внутренней формы огромного числа номинаций. Известные нам двуязычные словари языка кечуа не раскрывают внутреннюю форму слов, что не даёт возможности почувствовать логику и образность мышления древних носителей этого языка в период его становления и формирования лексического ядра. В книге "*Runa simi – язык инков*" мы постарались в какой-то мере восполнить этот пробел и раскрыть внутреннюю форму кечуанских слов во всех случаях, где это было возможно. Ниже мы предлагаем подборку наиболее красноречивых, на наш взгляд, примеров из составленного нами Базового тематико-идеографического словаря. За основу нами был взят Испанско-кечуа и кечуа-испанский словарь (диалект Айякучо) ("*Diccionario Castellano – Kechua, Kechua – Castellano. Dialecto de Ayacucho*"), вышедший в Лиме в 1970 году. Авторы этого словаря – католические миссионеры из Швейцарии Педро Клементе Перру (*Pedro Clemente Perroud*) и Хуан Мария Чоувенк (*Juan Maria Chouvinc*), который, как мы выяснили из бесед с многочисленными у нас в стране специалистами по Латинской Америке и языкам её коренного населения, никогда ранее не привлекался ими в качестве лексикографического источника. Возможность поработать с этим словарём нам представилась в архивах Исследовательского центра прикладной лингвистики (*Centro de Investigacion de Linguistica Aplicada – C.I.L.A.*) в столице Перу Лиме, за что мы выражаем его сотрудникам искреннюю благодарность. Отобранные примеры мы распределили по тем же тематико-идеографическим рубрикам, в которых они и представлены в нашем словаре. Примеры, как нам представляется, достаточно красноречивы и в дополнительных комментариях не нуждаются. Предлагаем читателю насладиться образностью (а можно сказать и "поэтичностью") мировосприятия индейцев кечуа, запечатлённой в словах их языка. Когда мы отбирали эти примеры, в памяти сразу же всплывали подобного рода номинации из китайского языка: *hu bei xiong yao* – "спина тигра, талия медведя" (о физически крепком человеке); *gou tuiz* – "собачьи ноги" (подхалим, угодник); *sheng long ho hu* – "рождённый драконом, живущий тогром" (энергичный, полный сил человек); *wo hu cang long* – "покоряется дракон, прячется тигр" (огромная сила) и т.п. Видимо, чем древнее язык, тем явственнее в нём прослеживается логика языкового сознания многочисленных поколений его создателей.

"Природа"

- allpa tullu*** – неплодородная земля, поверхность без почвы ("костлявая земля");
- ankap tianan*** – вершина, на которую садится орёл ("трон орла");
- chupasapa joillur*** – комета ("звезда с длинным хвостом");
- inti wañun*** – солнечное затмение ("солнце умерло");

intip sapran – солнечный нимб ("усы солнца");

killa wañui – лунное затмение ("смерть луны");

timpuimita – зима (от **timpuy** – кипятить воду, "сезон кипячения воды");

misi sillu – "кошачий коготь" (растение, покрытое колючками);

q'uchu kuchi – блоха ("весёлая свинья");

wara paskachi – маленький муравей, проникающий в одежду и причиняющий человеку ощутимые неудобства своими очень болезненными укусами ("заставляющий снять штаны");

yawar sojoi uru, sirkaq kuru – пиявка ("змея, сосущая кровь", "червь, пускающий кровь").

"Человек"

ВНЕШНОСТЬ:

para ñawi – большие глаза навывкате ("глаза-картофелины");

rumi ñawi mana jenchiq – неподвижный, взгляд ("каменные неморгающие глаза").

СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ:

allin yawar – человек знатного происхождения ("хорошая кровь");

jatun runa – член общины, работник ("большой человек") (принадлежность к общине почиталась у инков великой честью, вне общины существование человека теряло смысл, а труд на благо общины рассматривался не как обязанность, а как основной смысл существования и форма поклонения матери-земле);

misi sillu ("кошачий коготь"), **makiyoq** ("руки загребушие"), **makisapa** ("длинные руки"), **sillusapa** ("длинные когти") – разбойник;

wairap apamusjan – чужак ("занесённый ветром", имеет пренебрежительный оттенок).

ХАРАКТЕРИСТИКИ:

aka siki – трус ("попа в какашках");

chawa runa – человек, не понимающий шуток, никогда не смеющийся ("сырой, плохо приготовленный человек");

jori sonjo – добрый человек ("золотое сердце");

chuya simi – человек, не умеющий врать и сквернословить ("чистый рот");

chuya sonjo – искренний, честный человек ("кристально чистое сердце");

jacha simi – сквернослов ("грязный рот");

jacha simi runa – сквернослов ("человек с грязными речами");

jaja sonjo; rumi sonjo – безжалостный, беспощадный человек ("сердце – скала", "сердце – камень");

jarimansonjo – любитель(ница) мужчин ("сердце обращено к мужчинам", обозначение с негативной коннотацией);

jochayan sonjo – человек, испытывающий упадок физических и душевных сил ("иссушенное солнцем, увядшее, засохшее сердце");

karka chaki maki – неряха ("грязная нога, рука");

killai sonjo – непокорный человек ("железное сердце");

killai uya – бесстыжий человек ("железное лицо");

kullu sonjoyoq – бесчувственный человек ("имеющий деревянное сердце");

kumuikachaq runa, kumuikuq sonjo – униженный человек ("склонённый, нагнувшийся человек", "съёжившееся, затаившееся сердце"; помимо этих обозначений данной категории людей в кечуа есть ещё более десяти синонимов);

loqlo (roqro) runa – полудурок (**loqlo** означает "тухлый, гнилой, пустой" применительно к яйцу, ореху и т.п.);

luqma runa – невежда ("человек – слива");

pisi sonjo – трус, малодушный, робкий человек ("маленькое сердце");

mana rinriyoq, rumi rinri – непослушный; тот, кто не слушает, что ему говорят ("не имеющий ушей", "каменные уши");

mikui siki – обжора ("прожорливая задница");

millwa sonjo – безвольный, слабохарактерный человек ("шерстяное сердце");

miski simi runa – краснобай ("человек со сладкими речами");

miski sonjo – человек-душка ("сладкое сердце");

ñauso sonjo – тот, кто поддается соблазнам ("слепое сердце");

ñukiq ñawi sonjo – бесстыжий человек ("сердце с бесстыжими глазами");

puiwan sonjoyoq – человек, ведущий себя, как животное ("имеющий сердце животного");

puma runa – храбрец ("человек-пума");

puñui siki – соня (целый ряд обозначений в кечуа образуется по одной словообразовательной модели: обозначение порицаемого действия или признака + **siki** /попа, задница/, в данном случае – "сонная задница");

puqllay siki – шалун ("проказничающая задница");

rinriyoq – послушный; прислушивающийся к советам других ("имеющий уши");

rumi uma – человек, не способный к обучению ("каменная голова");

samai tullu – мало работающий человек, лодырь ("отдыхающие кости");

sonjo apaq – приятный, симпатичный человек ("похититель сердец");

supaipa tojllan – скандалист ("удавка дьявола");

tanta wiqsa – тот, кто ест много хлеба ("хлебное брюхо");

tawichakiyoq – придурок, тупица ("имеющий четыре ноги");

waira chaki – быстрый бегун ("ветер – ноги");

waira uma – подросток, который не слушается родителей, не сидит дома, а ходит в сомнительные компании ("ветер – голова");

wajai siki – плакса ("плаксивая задница");

wallpawaina – прилежный, усердный юноша-работник ("юноша-курица");

waman rikra runa – быстрый ходок, преодолевающий большую дистанцию за короткое время ("человек – соколиное крыло");

wanaku runa – дикий, невоспитанный, невежливый человек ("человек – гуанако");

wankar jina kunka – человек с грубым голосом ("глотка, как барабан");

wankar waiñu – шумная, болтливая женщина (от **wankar** – барабан);

wankurinri – тот, кто не слушает, что ему говорят ("отрезанные уши");

wayu rinri – тот, кто не слышит и не слушает, что ему говорят ("висячие уши");

wiqsayoq unta – женщина на поздних месяцах беременности ("имеющая заполненный живот").

"Физические состояния, эмоции, мораль, нравственность"

ayaya – побледнеть ("приобрести цвет покойника");

mapa jacha – бесчестие ("грязное пятно");

ñutukayay – быть в состоянии крайней усталости, измождения (от **ñutu** – "мелкий, перемолотый, разделанный на мелкие кусочки");

sonjoi putkayan – плохое настроение ("сердце замутилось /стало мутным/");

wañupusja – услада, наслаждение (в основе внутренней формы лежит слово **wañui**, первое значение которого – смерть, а второе – очень, полностью, т.е. превосходная степень того или иного признака, например: **wañui allin** – превосходно /"смертельно хорошо"/; **wañui yachaq** – очень умный /"смертельно умный"/; **wañui mana allin** – отвратительный /"смертельно нехороший"/; **wañui ñuqñu** – приторный /"смертельно сладкий"/);

yuyaipiti, sojo pitii – обморок, потеря сознания, головокружение ("прерывание разума, памяти", "задержка сердца").

"Действия и поступки человека"

alljochay – оскорблять, высмеивать ("собачить");

mitkay warmiman – согрешить с женщиной ("споткнуться, оступиться, повстречав женщину");

rampachakuy – унижаться, сдаваться ("уподоблять себя земле");

supayay – становиться плохим человеком ("превращаться в дьявола");

tinka tinka puriy – идти, как пьяный, больной или человек с тяжёлой ношей, т.е. качаясь из стороны в сторону и запинаясь ("идти как мячик", **tinka** – мяч, которым играют подростки);

yantayay – исхудать, высохнуть, стать, как палка ("превратиться в хворост").

"Объекты инфраструктуры"

tullu wajaichana – кладбище ("хранение костей");

watai wasi, samka wasi – тюрьма ("дом ужаса"), **wejem watai wasi** ("дом слёз и ужаса");

yachai wasi – школа ("дом знаний").

Анализ феноменов экзотического для нас языка даёт возможность обнаружить множество самых неожиданных свидетельств неповторимости ментальной интерпретации окружающего мира носителями этого языка, позволяет взглянуть на мир их глазами, с их невообразимо далёкой от нас "точки зрения". Автор выражает надежду, что приведённые в статье примеры смогут послужить дополнительными и ранее не использовавшимися иллюстрациями идей, высказанных в работах В. Гумбольдта, Э. Сепира и Б.Л. Уорфа.

Актуальність проблеми, яка аналізується у статті, зумовлена тим, що процеси глобалізації, які відбуваються у світі, викликають зворотну реакцію, що проявляється у зростанні етнічної самосвідомості народів. Взаємна адаптація різних культурних традицій і вироблення рекомендацій щодо безконфліктного їх існування передбачає знання особливостей менталітету всіх потенційних учасни-

ків міжкультурної комунікації. Аналіз мовних феноменів – один із об'єктивних джерел інформації про собливість менталітету його носіїв. Новизна роботи в тому, що об'єктом опису стала одна із основних мов корінного населення зони Анд – мова кечуа. Аналіз внутрішньої форми слів і їх етнолінгвістична інтерпретація досі, наскільки нам відомо, цілеспрямовано не проводилися.

Ключові слова: внутрішня форма слова, андський світогляд, специфіка національної образності мислення.

The article deals with one of the most urgent issues of today's world due to the on-going process of globalization provoking the response which is revealed in the rise of people's ethnic self-consciousness. Mutual adaptation of diverse cultural traditions and elaboration of recommendations for their harmonious existence presupposes deep knowledge of mentality peculiarities of all potential participants in cross-cultural communication. The novelty of paper is that the language Quechua which is one of the languages of native population in the Andes area, is described. The analysis of the inner form of Quechua words hasn't been thoroughly performed yet.

Key words: *inner form of a word; world perception of the Andes; peculiarities of national figurativeness of thinking.*

Литература:

1. Корнилов О.А. Runa simi – язык инков. Экспериментальное учебное пособие по языку и культуре кечуа / О.А. Корнилов – М.: Центр по изучению взаимодействия культур ФИЯР МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009.
2. Сепир Э. Грамматист и его язык / Э. Сепир // Языки как образ мира. – М., СПб, 2003.
3. Уорф Б.Л. Наука и языкознание / Б.Л. Уорф // Языки как образ мира. – М., СПб, 2003.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
5. Perroud P. C., Chouvinc J. M. Diccionario Castellano – Kechua, Kechua – Castellano. Dialecto de Ayacucho / Pedro Clemente Perroud. – Lima, Peru, 1970.